

Андрей Помыткин

Зайчик Красик. Год волшебства

Андрей Помыткин

Зайчик Красик. Год волшебства

«Автор»

2026

Помыткин А.

Зайчик Красик. Год волшебства / А. Помыткин — «Автор»,
2026

Разноцветный заяц, бабочка и бывший злодей. Четыре сезона, четыре тайны.
Добрая и смешная серия для всей семьи.

© Помыткин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Зайчик Красик. Тайна летней радуги	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрей Помыткин

Зайчик Красик. Год волшебства

Зайчик Красик. Тайна летней радуги

Пролог. Где живёт волшебство

Если вы когда-нибудь гуляли по лесу в самый разгар лета и слышали, как ветер шепчет что-то на ухо, а солнечные зайчики танцуют на траве, значит, вы были совсем рядом с волшебным лесом. Только войти в него непросто — надо верить в чудеса и уметь смеяться громко и заразительно. Тогда деревья раздвинут свои ветви, и вы окажетесь в месте, где даже ручьи поют песенки, а грибы по ночам рассказывают друг другу страшные истории.

В этом лесу каждый зверь был чем-то особенным. Белочка Зиронька умела считать орехи до ста и никогда не сбивалась. Старый филин помнил всё, что случилось в лесу за последние сто лет, и мог рассказать любую историю от начала до конца. Даже ёжик Фырка, который ворчал целыми днями, умел жонглировать яблоками так ловко, что ни одно не падало на землю (ну, почти ни одно).

Но самым удивительным обитателем леса был зайчик по имени Красик. Его шубка переливалась жёлтыми, оранжевыми, зелёными и голубыми пятнами, а кончики длинных ушей светились мягким голубым светом, особенно по вечерам. Он был похож на маленькую радугу, которая случайно упала на землю и решила остаться жить среди берёз и сосен.

Однако сам Красик совсем не радовался своей уникальности. Он мечтал стать серым, неприметным, чтобы никто не оборачивался ему вслед и не тыкал лапой. Ему казалось, что его разноцветная шубка — это проклятие, а не дар. И он даже не подозревал, что совсем скоро его цвет станет спасением для всего леса.

Глава 1. Самый грустный зайчик в самом весёлом лесу

Утро в волшебном лесу начиналось с музыки. Птицы заводили свои трели, пчёлы начинали деловой гул, а ветер перебирал листья, как струны арфы. Летнее солнце поднималось над верхушками деревьев, и его лучи проникали в самую чашу, высвечивая каждую травинку, каждый лепесток и каждую капельку росы.

Красик проснулся в своём домике под корнями старого дуба. Домик был уютный и тёплый — земляной пол устилал мягкий мох, а стены были украшены сухими листьями, которые зайчик собирал прошлой осенью. Он сладко зевнул, потянулся, выставив вперёд лапы, и... зажмурился. Он снова вспомнил, что его ждёт встреча с отражением в лесном ручье.

Красик выбрался из домика, перешагнул через корень, торчащий из земли, и подошёл к ручью. Вода журчала приветственно: «Доброе утро, Красик! Как спалось?» Но зайчик не ответил. Он смотрел на своё отражение и тяжело вздыхал.

— Ну вот, опять! — простонал он, разглядывая свою шубку. — Жёлтые пятна на спине — раз, оранжевые на боках — два, зелёные крапинки на лапах — три, четыре. И эти голубые кончики ушей! Они же светятся! Как два маленьких фонарика! Я похож на клумбу, которую забыли полить, или на светофор, который сломался и показывает все цвета сразу!

Он провёл лапой по своей шубке и поморщился. Красик мечтал стать серым, как все уважающие себя зайцы. Серый — это солидно. Серый — это незаметно. Серого не съест лиса, потому что она его просто не увидит в траве. А Красика даже слепой крот заметит за три километра. Крот, правда, слепой, но он всё равно чувствует свет — так говорила его бабушка, и бабушка никогда не ошибалась.

— Эй, клумба! — раздалось из кустов. Это был ёжик Фырка. Он вышел на поляну, почесал свои колючки и важно нахмурился, как старый профессор, который обнаружил ошибку

в ученической тетради. — Ты опять пялишься в ручей? Смотри, заснёшь и упадёшь в воду. Я тебя вытаскивать не буду — мне колючки жалко. Они у меня новые, воскресные. Вчера в магазине купил!

— Я не клумба! — обиделся Красик, дёргая ухом. — Я заяц! Самый настоящий! У меня есть хвост, длинные уши, и я люблю морковку!

— Заяц? — Фырка задумчиво обошёл его вокруг, цокая языком. — Хм. А почему ты такой разноцветный? Тебя в детстве облили краской? Или ты съел радугу и она у тебя изнутри просвечивает?

— Не знаю, — грустно ответил Красик. — Я такой родился. И ничего с этим не могу сделать. Я даже пробовал вывалиться в глине, но глина отвалилась, а пятна стали ещё ярче. Я пробовал спрятаться под листьями, но листья разлетаются, когда я шевелюсь. Я даже пробовал попросить старого филина наколдовать мне серую шубку, но он сказал, что чудеса так не работают.

— Бывает, — философски заметил Фырка. — Вот у меня, например, колючки. Тоже не сахар, скажу я тебе. Попробуй обними кого-нибудь — сразу визг и жалобы на весь лес. Но я не жалуюсь. Я гордый. Я колючий, но гордый! А ты всё ноешь. Хватит ныть. Пойдём лучше на поляну. Там сегодня что-то готовится.

— Что готовится? — насторожился Красик.

— Праздник! — Фырка подпрыгнул от восторга, и яблоко, которое он держал в лапах, упало и покатилося по траве. — День летней радуги! Все звери собираются, готовят выступления. Белочки танцуют, лягушата поют, даже барсук новый жилет надел. И мы должны быть там!

— Я не пойду, — тихо сказал Красик. — Там все будут смеяться надо мной.

— Глупости, — фыркнул Фырка. — Смеяться будут надо мной, если я яблоки уроню. А ты просто стой в сторонке и помалкивай. Как куст. Только цветной.

Красик вздохнул и поплёлся за Фыркой, но в душе он уже решил, что при первой же возможности спрячется где-нибудь в малиннике. Чтобы его никто не видел. Чтобы его никто не дразнил. Чтобы он мог просто посидеть в тишине и помечтать о том, как он станет обычным, серым, счастливым зайцем.

Но судьба распорядилась иначе.

Глава 2. Праздник, который начался без Красика

Когда они добрались до центральной поляны, Красик ахнул. Лес преобразился. Ветки деревьев были украшены разноцветными ленточками, которые белочки сплели из луговых цветов. На пнях горели маленькие светлячковые фонарики — для этого светлячкам пришлось полдня сидеть на одном месте, что они очень не любили, но ради праздника согласились. В центре поляны стоял высокий пенёк, который служил сценой, а вокруг уже собирались звери.

Белочки сустились на ветках, поправляя свои наряды из кленовых листьев. Лягушата выстроились в ряд у маленького болотца и репетировали хор: «Ква-ква-ква-ра-ра-радуга!» — у них получалось очень слаженно, если не считать одного лягушонка, который постоянно сбивался и квакал не в такт. Старый барсук, важный и серьёзный, сидел на пригорке и с гордостью демонстрировал новый жилет, сшитый из берёзовой коры и украшенный ягодными пуговицами.

Фырка сразу пошёл к барсуку, чтобы обсудить какие-то важные ёжиковые дела. А Красик тихонько отступил назад, в тень, и юркнул в кусты малинника. Там он нашёл уютный уголок, где его никто не видел, свернулся калачиком и приготовился тихо сидеть и никому не мешать.

— Я же говорил, что не надо было сюда ходить, — прошептал он сам себе. — Всё равно я здесь лишний. Кому нужен разноцветный заяц, который даже вести праздник не может?

И он спрятал нос в лапах, чтобы не смотреть на веселящихся зверей. Ему казалось, что каждый смех, долетающий до его ушей, звучит как насмешка. Каждый взгляд, брошенный в его сторону, был обидным и колким. Он чувствовал себя чужим на этом празднике жизни.

Тем временем праздник начинался. Старый филин взлетел на самый высокий сук, хлопнул крыльями, привлекая внимание, и провозгласил:

— Друзья! Сегодня мы собрались, чтобы отпраздновать самый яркий день лета — День летней радуги! Мы будем танцевать, петь и радоваться! Но сначала нам нужен ведущий! Кто скажет самые важные слова и откроет наш праздник?

Звери зашумели. Белочки закричали: «Я! Я!» — но они были такими маленькими, что их совсем не было видно из-за высокой травы. Лягушата предложили свою кандидатуру, но филин сказал: «Ква-ква-ква — это прекрасно, но это концерт, а не приветственная речь. Мы вас потом послушаем». Фырка выкатился вперёд, взял яблоки и попытался жонглировать, чтобы показать своё мастерство, но яблоки разлетелись в разные стороны, и одно из них угодило прямо в лоб старому барсуку. Барсук охнул и схватился за жилет, но было поздно — одна пуговица отлетела и покатилась в траву. Звери захохотали так громко, что с дуба посыпались жёлуди.

— А может, тот самый зайчик? — вдруг сказал один из лягушат, указывая лапкой в сторону малинника. — Который такой цветной? Его же видно издалека!

Все звери обернулись. Красик замер, надеясь, что его не заметят, но голубые кончики ушей предательски светились в темноте кустов.

— А вот и наш герой! — объявил филин, поворачивая голову на сто восемьдесят градусов. — Зайчик Красик! Выходи!

— Я? — пискнул Красик, съёживаясь. — Нет-нет-нет! Я не умею говорить важные слова! Я споткнулся, упал, и все будут смеяться!

— Мы и так смеёмся! — крикнула одна из белочек. — Но смеёмся по-доброму! Выходи! Ты же самый яркий! Тебя видно за версту!

Красик нехотя вылез из малинника. Лапы его дрожали, а сердце колотилось как бешеное. Он сделал шаг вперёд, споткнулся о собственную лапу и... бах! — растянулся на поляне, раскинув свои разноцветные пятна во все стороны. Жёлтое пятно на спине сверкнуло на солнце, оранжевое — на боку, зелёные крапинки на лапах засветились, как маленькие изумруды.

Звери затихли на мгновение. А потом... захохотали так громко, что с соседней сосны упала целая шишка и едва не угодила в лягушонка, который всё ещё репетировал свою песню.

— Он даже падает разноцветно! — засмеялся Фырка. — Это искусство! Это акробатика! Это... клумба-шмяк!

— У него пятна сверкают, когда он падает! — подхватила белочка. — Это специальный трюк!

Красик вскочил на ноги. Он был весь красный — даже его пятна стали пунцовыми от стыда. Слёзы навернулись на глаза, но он сдержался и изо всех сил рванул прочь с поляны. Он бежал, не разбирая дороги, через поляны и ручьи, через заросли и овраги, пока лес не стал гуще и темнее, а тени — длиннее и прохладнее. Он бежал до тех пор, пока совсем не выбился из сил. Тогда он упал под большой куст ежевики, свернулся в клубок, закрыл глаза лапами и заплакал.

— Почему я такой? — шептал он, и слёзы капали на зелёные крапинки его лап. — Почему я не могу быть как все? Почему я всегда падаю, когда на меня смотрят? Почему я самый смешной в лесу? Я не хочу быть разноцветным! Я хочу быть серым! Обычным! Незаметным!

И тут он услышал тонкий, звонкий голосок, который спускался прямо с ветки ежевики:

— Потому что ты особенный. И это круто.

Красик поднял голову и вытер слёзы. На ветке, покачиваясь от лёгкого летнего ветерка, сидела маленькая бабочка. У неё были красивые пёстрые крылья, но одно крылышко было чуть-чуть меньше другого. Она смешно взмахивала им и немного заваливалась на левый бок, но держалась уверенно и даже гордо, словно маленькая королева.

— Ты кто? — спросил Красик, шмыгая носом.

— Я Ириска, — улыбнулась бабочка. — Я тут мимо пролетала и слышала, как ты плачешь. Так громко, что даже муравьи в муравейнике проснулись. Они думали, что это дождь. А это ты.

— Извини, — пробормотал Красик. — Я не хотел никого будить.

— Всё в порядке, — легко сказала Ириска. — Я сама люблю иногда поплакать. Особенно когда вижу, что ромашка завяла или ветер унёс мой любимый листок. Но знаешь что? Я тоже не идеальная. Одно крыло у меня короче другого, и я иногда лечу не туда, куда хочу. Мне приходится делать большой крюк, чтобы попасть в нужное место. Но это не мешает мне видеть самые красивые цветы, пить самый вкусный нектар и дружить с самыми лучшими зайцами. Просто я лечу чуть-чуть по-своему.

Красик задумался. Он посмотрел на Ириску, потом на свои лапы, потом снова на Ириску.

— А тебя не дразнят? — тихо спросил он. — Из-за того, что у тебя одно крыло меньше?

— Дразнят, — весело ответила Ириска, взмахнув крыльями. — Иногда меня называют «кривобокой», иногда — «недолёткой». Один злой шмель даже сказал, что я не умею летать. А я умею! Просто я лечу по кругу, а не по прямой. И знаешь что? Благодаря этому я вижу такие вещи, которых другие не замечают. Например, вон там, на той поляне, ты видишь что-то странное?

Красик выглянул из-за куста ежевики. Посреди небольшой поляны, освещённой лучами заходящего солнца, стоял... прозрачный, почти невидимый, но всё же различимый столб воздуха. Он слегка мерцал, и от него исходил странный, жалобный звук: «Ф-у-у-х-х-х...»

— Что это? — прошептал Красик, прижимая уши к голове. — Это страшно?

— Это Колочий Вихрь, — сказала Ириска, понижая голос. — Он живёт в самой глубокой пещере на краю леса. Раньше он был страшным и серым, как грозовая туча. Он выдувал краски из леса — цветы становились бледными, листья — бесцветными, и все звери боялись его. А теперь... смотри: он какой-то бледный, даже розоватый. Похоже, он потерял свои силы. Он просто... слабый ветерок.

— А он опасен сейчас? — спросил Красик, стараясь не дрожать.

— Вряд ли, — ответила Ириска. — Он едва может сдуть травинку. Но он всё ещё грустный. Очень грустный. Слышишь, как он стонет?

И действительно, Вихрь издавал жалобный, протяжный звук, который был похож на плач. Красик никогда не слышал, чтобы ветер плакал, и ему стало почти жаль этого странного существа.

Глава 3. Знакомство с Вихрем и необычная просьба

В это время Вихрь заметил их. Он медленно закрутился на месте, подлетел поближе, остановился прямо над кустом ежевики и... застонал ещё громче.

— О-о-о-й! — простонал Вихрь, и его голос дрожал, как старый паровозный гудок, у которого кончился уголь. — Я пропал! Я исчезаю насовсем!

— Почему? — осторожно спросил Красик, выглядывая из-за ежевики.

Вихрь закружился вокруг них, поднимая сухие листья и маленькие веточки, но его ветер был таким слабым, что листья падали обратно, не долетев и до середины поляны.

— Моя последняя краска! — завыв Вихрь, и его голос срывался на фальцет. — Я потерял свою единственную оставшуюся краску! Я отбил её об сосну! Да-да, о самую высокую сосну! Я пытался задуть одуванчики на той поляне, где они любят танцевать! Но одуванчики — они коварные, они не дуются! Они только улыбаются и разлетаются в разные стороны! А моя краска... она упала и разбилась на тысячу маленьких кусочков! Теперь я стану совсем прозрачным, и меня унесёт обычный летний ветер, и я буду ничем! Я не хочу быть ничем! Я хочу быть злым, страшным, колючим! А я просто... ветерок! Дуновение! Вздох! Толком даже не подуешь!

И Вихрь заплакал. Ну, то есть как заплакал? Он засвистел тоненьким, жалобным свистом, который был похож на закипающий чайник, который не может никак засвистеть по-настоящему, потому что у него кончился пар. И из него потекли... нет, не капли воды. Это были слёзы цвета разбавленной сирени — бледные, полупрозрачные и такие грустные, что даже ежевика поникла ветвями.

Красик посмотрел на Ириску. Ириска посмотрела на Красика. И оба одновременно вздохнули.

— Так, стоп, — сказал Красик, набираясь смелости. — Ты хочешь сказать, что ты потерял свою злую силу и теперь станешь обычным ветром?

— Да! — всхлипнул Вихрь, делая круги над их головами. — А я так любил пугать белочек и выдувать краски из леса! Это было моё призвание! Моя мечта! Моя единственная работа! Я просыпался по утрам и думал: «Кого бы мне сегодня напугать? Кого бы сделать бледным и несчастным?» Это был смысл моей жизни! А теперь всё кончено!

— И ты из-за этого плачешь? — удивился Красик. — Ты плачешь потому, что перестал быть злым?

— Ну да! — обиделся Вихрь, подпрыгивая от возмущения. — Ты что, не понимаешь, как это трудно — быть злодеем, когда у тебя нет сил? Раньше я выдувал все краски, и лес становился серым, как старая тряпка, и все меня боялись! Белочки прятались, лягушата замирали, даже барсук в своём жилете трясся! А теперь я — розовый ветерок. Меня даже грибы не боятся! Вчера один боровик сказал мне: «Ты дуешь, как вентилятор в жару». А я хочу, чтобы меня боялись!

Ириска прыснула со смеху, но тут же прикрыла крылышком рот, стараясь быть серьёзной.

— Извини, — сказала она, пытаясь не хихикать. — Просто у тебя очень смешной голос, когда ты плачешь. Ты похож на чайник, который закипает, но никак не может засвистеть по-настоящему, потому что у него кончилось терпение. Хочешь, я научу тебя свистеть красиво? У меня хорошо получается. Вон, послушай!

И Ириска засвистела тоненькую весёлую трель. Она была такая красивая, что даже Вихрь перестал плакать и прислушался.

— Ничего себе... — прошептал он. — Ты умеешь свистеть?

— Умею! — гордо ответила Ириска. — Это мой талант. Я не могу летать прямо, зато я могу свистеть так, что даже ветер заслушивается.

Вихрь возмущённо засвистел в ответ, но вышло так тихо и жалобно, что даже Красик улыбнулся впервые за день. Улыбка была робкой, но она появилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.